

18+

Джанні Цюрупа

**Сказка
города Же**

Джанні Цюрупа
Сказка города Жє

«Издательские решения»

Цюрупа Д.

Сказка города Же / Д. Цюрупа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981983-3

Времени и пространству тесно в маленьком провинциальном городе. Они свиваются кольцами, комкаются, порождают множество отражений. А однажды и вовсе ломается, привычное существование дробится на личные вселенные, пересекающиеся лишь иногда. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-981983-3

© Цюрупа Д.
© Издательские решения

Содержание

Сказка города Жэ	6
1. Вся жизнь	6
2. Барахолочка	10
3. Смерть мирового	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сказка города Же

Джанні Цюрупа

© Джанні Цюрупа, 2020

ISBN 978-5-4498-1983-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка города Жэ

Тем, с кем мы делим одну реальность

1. Вся жизнь

Галка – всего на полголовы ниже – орала на меня. Губы распухли, волосы топорщились. Орала, чтобы ее оставили в покое, и про «ненавижу тебя» орала, и про «чтоб ты сдохла», конечно же, и тогда я взяла ноутбук и шваркнула о стену, потом охнула: пятьсот долларов, где их взять-то по нашим временам?! И тут она завывала, затряслась, бросилась на диван, грызла руки, и всё выдыхала: ненавижу, ненавижу, ненавижу, у меня там вся жизнь.

Это у них у всех сейчас – зависимость, плохо влияет на учебу. Мы гулять ходили, по телефону трепались, и заразы этой, интернета, не было. Живое общение, глаза в глаза, и с родителями на выходных, а им же ничего не интересно, они сидят и переписываются целыми днями. Каникулы были – из дому не выходила, все в этой комнате: ухожу – сидит, прихожу – сидит, наушники, спиной ко мне, посуда немыта...

Я ей сказала. Что она не заработала еще ни копейки в своей жизни, что пока еще – на моей шее, и что как я говорю, так и будет, и ноутбук чинить никто не собирается, и раз она меня ненавидит, то я ей не мать больше, и пусть как хочет, вот как она хочет?

А Галка опять: отстань, заткнись, не разговаривай со мной, просто не разговаривай, я лучше проституткой буду, наркоманкой, я никак уже не буду, ничего не исправить, ты всю жизнь мне сломала.

А я думала: пятьсот долларов, господи, надо было просто отобрать, Андрюша с работы бы настроил, сама бы пользовалась, купила же ей, чтобы рисовала и рефераты еще всякие, да продать, продать можно было! Но довела, поганка мелкая, эгоистка – это вслух уже – ты же меня в грош не ставишь, я для тебя не авторитет, для тебя вообще нет авторитетов, а я сама, одна, на своем горбу тебя ташу, школу тебе, шмотки тебе, а мне?! Ни личной жизни, ни мужика рядом, ни карьеры, а где благодарность?!

Тут она замолчала, наконец, и лицом в стену повернулась. Я на кухню пошла. Ладно, думаю, не хочешь говорить – не будем говорить. И точка. Ненавидит она меня...

Утром в школу не пошла. Я раньше встала – все равно ворочалась, Галка на своем диване все так же к стенке лицом. Я ее будить – мычит, я за плечо – отмахивается. Был бы мужик дома – поднял бы, а я попробовала – наорала снова, и отстань, и не лезь, и всю жизнь поломала. Когда кофе заваривала – руки так тряслись, что чашку разбила, мамину, с маком на боку. Села на табуретку и заплакала. Пусть слышит. Пусть ей стыдно будет. Клеенка липкая, надо поменять, а как поменятьешь, когда цены выросли, а зарплата не выросла? В подметальщицы идти – откуда здоровье взять, да и полно сейчас желающих в уборщицы. Стянула клеенку, скомкала и в ведро. Стол белый, чешский, в царапинах уже, но всё приличнее. Лучше бы Галка подработку нашла, говорят, за компьютером и работать можно, в дом копеечку, хоть вот на кеды себе, господи, кеды за сто долларов, хочу, говорит, на день рождения, а где я возьму сто долларов, ну где, зарплата – восемьдесят! Я бы, может, кого нашла, я молодая еще, сорок только, одеваюсь как бабка, не крашусь, в парикмахерской не была!

И тюль грязный, желтоватый.

Вот мечтала: подрастет, надо квартиру будет побольше, в однокомнатной с маленькой еще как-то, ну да ладно, не сложилось, но хоть девочка, с парнем тяжелее было бы; поедет в столицу, в институт поступать, на менеджера, там, может, мужа найдет. А я уж тут. В гости бы ездила. Умница она, в папу, но эгоистка, господи, такая же эгоистка.

Не вышла Галка на кухню, я на работу собиралась, шумела. Ноутбук, что на столе, расколотый, сунула в пакет: может, починит Андрюша, так продам, продам – и в парикмахерскую. И в СПА схожу.

Ушла и заперла ее. Нечего шляться, пойдет еще к друзьям, пусть осознает. До работы трамваем, от рынка за домом – до конечной, она все морщилась: как ты там работаешь, там же воняет, ох, вырастила неженку, воняет, мясокомбинат, а зато стабильность. Трамвай стильный, не сядешь на железное – примерзнешь сквозь пальто. Я бы, может, тоже никуда не пошла, осталась под одеялом. Но одеяло за деньги куплено. За окном – не весна, не зима, панельное убожество над грязным снегом. Тут меня Танюша окликнула из бухгалтерии:

– Ой, Лидсерегвна, ты что грустная такая? Случилось что?

Вообще я с ней не дружу, какая дружба может быть на работе, да еще с бухгалтерами, змеями, они нас, отдел сбыта, ни в грош не ставят. А тут как прорвало, и я ей все про Галку выложила, мол, вот, «жизнь поломала».

– Всю жизнь? – переспросила Танюша. И пальцами в кожаной перчатке (дорогущие перчатки, я такие не могу позволить себе, я только вязаные) по поручню постучала. – Это у них игра такая в сети. Мой брат тоже все время там зависает.

А я смотрю: глазенки ее прям горят, ресницы накладные (вот есть же деньги на себя, есть!) так и хлопают. Всем растреплет. И расспрашивать дальше не стала.

Дотелепались, через пустырь протащились, собак там много, я боюсь ходить: говорят, нападают на людей. Но добрались до проходной, и в офис. Я к Андрюше зашла, он как раз компьютер разбирал, – и ему пакет с ноутбуком дала:

– Посмотри, можно починить?

Он присвистнул, в затылке хвостом поскреб.

– Ну, Лидсерегвна, ты даешь. Он же в хлам. Экран, внутри наверняка... Я так не скажу, но проще новый купить. Что случилось-то?

– Разбился, – и губы у меня поджались. – Галка ревет, говорит, вся жизнь там.

– Не там, а в сети, – и очки поправил. – Да, блин, не повезло...

Вот бывает такое: все что-то знают, а ты – не знаешь. И спросить неловко, вроде как «почему летом жарко». Сети эти их, компьютеры. Директор наш, Марицкий, меня осенью еще вызывал: Лидочка, ты же молодая женщина, ты же с программами работаешь, с компьютером. Нельзя по каждому поводу ребят дергать, осваивай, Лидочка, и общение с заказчиками по скайпу осваивай. Иди на курсы. А я спросила: а вы оплатите? Я дочку одна поднимаю. Мне учиться некогда и не на что. А он сказал: вот пусть дочка покажет. Они сейчас с пеленок в компьютерах разбираются. Я ее попросила, она фыркнула: ой, мать, ты от жизни отстала, и терминами сыпать начала, я сделала вид, что понимаю, потом у Андрюши переспросила.

– А где же там в сети жизнь? – аккуратно уточнила.

– «Вся жизнь», приложение такое. Очень популярное. Как бы вам это...

– А ты покажи.

– Извините, Лидсерегвна, вот этого не могу, – потупился, – это личное. Хотите, я вас зарегистрирую, сами посмотрите?

– Нет уж. У меня работы полно. Спасибо, Андрюша. Ноутбук я тебе оставлю, может, на запчасти пригодится.

И пошла я в кабинет. Она так и не позвонила за весь день, а мне пришлось классной руководительнице врать, что Галка приболела, и что дома отлежится пару деньков – девочка, циклическое, мигрень. Потом звонки, таблицы, и надо вежливой быть, а я все думала: пять-

сот долларов. Это мне повезло, Марицкий премию подкинул, и еще я копила, и даже кредит потребительский взяла, чтобы ноутбук этот. Как же получилось, что коробочка с кнопками нужна, а мама не нужна? Вся жизнь! Да разве это жизнь? Гулять надо ходить, на дискотеки, чтобы с мальчиками знакомиться, это и здоровее, и правильнее, чем по клавишам стучать или фильмы смотреть. Мне бы лучше помогла, я же всё ради нее, эгоистки.

Окон в кабинете нет, и холодно, перегородки тонкие, слышно, кто болтает, кто чай мешает. Раньше я с другими девочками сидела, потом Марицкий меня повысил, правда, зарплату не поднял, но одной-то лучше, чем скопом. А тут так меня к другим людям потянуло, к живым, что пошла к девочкам поболтать.

И ничего не помню. Сердце, помню, тянуло, а о чем говорили, про что – не помню. Только в голове крутилось: я же всю жизнь для нее, я же всю жизнь для нее, она – моя жизнь...

Тут Марицкий зашел с таким лицом, словно лимон укусил. Я думала, ругаться будет. А он ласково так сказал:

– Лидочка, ты присядь. Мне из милиции позвонили. Галя твоя из окна...

И дальше – не помню.

Лидия Сергеевна вышла на работу через десять дней после похорон. Дома она ходила по комнате, иногда ложилась на так и не собранный Галин диван и дышала в подушку, прижав ее к лицу. От подушки шел теплый запах Галочкиных волос. Перечитывала записку: «Теперь ничего не изменишь. Ты разрушила мне «Всю жизнь». Приехала из села кума, готовила еду, заставляла умываться, на поминки все сделала. Но – хозяйство, и скоро Лида снова осталась одна.

Тогда она позвонила Марицкому и сказала, что выйдет завтра. Иначе – следом за Галочкой.

Мысль эта – следом за Галочкой – посещала ее постоянно. И еще одна: господи, лучше бы я голову свою о стену разбила, лучше бы свою.

Ей выражали соболезнования – и тут же отворачивались и убегали. Она видела себя в выключенном мониторе: седая, встрепанная, узколицая. Приоткрылась дверь, протиснулся Андрюша.

– Лидсергеевна. Я вам ноутбук купил.

– Что? Зачем? Господи, не вернешь же ноутбуком... Андрюш, да это дорого же, я отдать не смогу...

– Жизнь дороже. Сейчас покажу, – водрузил на стол, повозился, подключил, что-то в поиске набрал, куда-то залез, принялся тыкать мышкой. – Вот. Вы прочитайте. Там все понятно. А я пойду, если что – наберите по внутреннему.

Там было написано: «Вся жизнь – первый текстовый редактор вашей жизни онлайн. Ты хочешь сам писать свою жизнь? Хочешь изменить прошлое или выстроить будущее? Жми ОК».

Она нажала. Спросили ее имя, и надо было еще придумать пароль.

«Здравствуй, Лида! Все очень просто. Ты можешь описать любое событие из твоей жизни – то, что уже произошло, или то, что ты хочешь, чтобы произошло, или самое страшное, что можешь представить. Потом ты можешь его отредактировать – но только один раз. Все, что ты напишешь, будешь видеть только ты, и никто никогда не узнает об этом. Попробуем?»

Внимание! Эпизод доступен для редактирования только один раз, и только сразу после просмотра! Внимание! Эпизод из будущего через сутки после написания становится реальным, измени его сразу, если будущее не устраивает, иначе он сбудется. Внимание! Изменению

доступны только твои поступки, поступки других людей ты не можешь менять! Рекомендуем изучить форум, раздел «точки бифуркации» и «советы новичкам».

«Это что же получается? Галочка верила этому? Написала какой-то эпизод, и он стал обязательной частью ее жизни, частью, которую Галочка хотела, но не могла, изменить?» – подумала Лида. Господи, они же верят этому, они верят...

Она выбрала дату – за день до Галиной смерти. Выбрала время – когда пришла с работы, и посуда была не мыта, и Галя сидела к ней спиной, глядя в экран. Через полчаса Лида разобьет ее ноутбук. И это можно изменить. Один раз – но можно изменить.

Ладонь на мышке вспотела.

«Галка стояла передо мной – губы распухли, волосы топорщатся, всего на полголовы ниже, и орала, чтобы ее оставили в покое, и про „ненавижу тебя“ орала, и про „чтоб ты сдохла“, – медленно печатала Лида двумя пальцами, закусив губу. – И тогда я спокойно сказала ей, что на неделю оставляю без карманных денег, и чтобы о кедах на день рождения думать забыла, еще старые не сносила, и вышла на кухню пить кофе».

Два бисквита, трюфели, шампанское с коньяком – продавица обливается потом, отбивается от мужчин, а они покупают чупа-чупс, чекушку и торт, и, наверное, белый хлеб положите в пакет уже. И «Махан по-татарски». Глаза продавицы белы. Мама зовет ее Броней, Бронислава – так в трудовой, и в обед заходит почти завидный жених. Назарка с передовой.

У Назара мешок заплечный и свой «Калаи», позывной, как водится, к имени не применим. Только Броня из всех девчат знает, Назарка – наш, у него камуфляжные берцы и шоколад в вещмешке, и нашивка с флагом, паракордовый чудо-браслет, и в аптечке – кат и целокс и черти что. Хоть Назарка мучил кошек в девятом Вэ, а в десятом – стрелял по собакам, но все прошло.

И не то, чтобы любит, но как-то тянет в груди, будто кто-то растяжку поставил, чуть прикоснешься – взрыв.

Вот Назар в магазин заходит, и скоро обед, и под ручку бульваром он предлагает пройтись.

Броня фартучек снимет, подправит потекшую тушь, и напарнице Ксанке шепнет: я скоро вернусь.

А в конце нет морали, собственно, нет конца: Броня не посмеет сдриснуть из-под венца. А Назар не изменится, он отслужит еще, и комбат, и ребята отзовутся о нем хорошо. И погибнут две кошки (окошко, девятый этаж) и одна собака (жрет с земли всякий шлак), ну а Броня живет, и в Назарчиковых иштанах зреет третий сын... И все же Назарка – наш, а о наших – или славно, или ничего.

И замученные Брониславы города Жэ принимают как дар их болезни и шепчут: еще. Пусть такой. Пусть контуженный. Страшный. Но жив же, но – жив!

2. Барахолочка

Янтарь был – мутными карамельками, из тех, что вязнут на зубах, и потом елозишь по ним языком, размазывая липкую пленку.

Из Озерного как раз пришел автобус, перевалился через волочащуюся по лужам, в красных ленточках, цепь, перед недреманным оком сторожа, шумно и вонюче вздыхая, заполз под козырек автостанции. Двери, скрипя, сложились, и студенты, офисные дамы, рыночные торговки поперли наружу. Пихались, наступали на полы пальто, дергали сумки, выволакивали кравчучки.

На клеенке у ног бабушка разложила стоптанные балетки, толстую книгу в замученной серой обложке (название и автор стерлись), а на медный двурогий подсвечник повесила бусы – карамельно-янтарные, крупные, и нитку жемчуга, умершего от старости.

Утро выдалось серое, ночью лило, сбивая листья, но автостанция жила вне времени – горелое масло, дизель, газ забивали аромат осени; резиновые сапоги, говнодавы и шпильки топтали ее, вмешивая в грязь.

– Так шо, доню, чи купуешь шо?

– Да нет, я так, смотрю... Извините...

– А-и-иди, – слитно, в одно слово, пропела бабка, – и-иди себе, донька, кудой шла, неча тут!

Платок бабушка наверхтела во много слоев, так, что голова казалась раздутой. Еще и плащ болоньевый на несколько свитеров натянула. И смотрит в землю. Неприятная, будто и не человек, а ветошью набитое чучело.

Леся попятилась, и ее чуть не сбили целеустремленные селяне, выбравшиеся из очередной маршрутки. Булочка, пакетик кофе, протиснуться вдоль забора – там дальше по улице позднее золото берез, румянец кленов, бывший какой-то институт и офис.

На ходу засовывая булочку в сумку, Леся обернулась.

Не было у автостанции, рядом с лотком выпечки, никакой бабушки. Сплошным потоком шли люди.

– У тебя бывает так, чтобы ты человека увидел, а потом он – раз! – и пропал?

Юра пил чай. Втягивал в нутро, на клеточном уровне насыщался.

– Уехал? – уточнил муж.

И насупился. Мохнатый, колючий: брови, борода, шерсть из-под майки. Леся повертела в пальцах ложку.

– Нет, просто вот только что ты его видел, и вдруг не видишь, – понимаешь? Ну вот как если мы с тобой разговариваем, и вдруг я исчезаю.

– Не бывает. Я же нормальный.

Попробовала варенье (свекровь варила) из хрустальной (свекровь подарила) розетки. Горчит. И чай – горчит. И рассказала Юре про бабку.

– Показалось. За спинами не разглядела. Ерунда.

Собирая со стола, Леся согласилась с ним: показалось. Ерунда. Бывает.

Каждое утро Леся жарила Юре яичницу. Каждое утро он выползал в трусах и майке, чесал живот, скреб голову, придвигал табуретку, брал вилку по-детски в кулак.

– Нас преподша по иностранной литературе пугала, – сказала Леся, – что учителями в школу никто не возьмет.

– А взяли – сидела бы, как твоя мама, без денег, – он смотрел на сковородку, в которой скворчало, – у нее хоть огород. У нас огорода нет. Тут тебе не село.

– Ну да, – кивнула Леся, – ну, конечно. Сыром посыпать?

– Посыпь, и побольше, не жалея сыру-то.

В холодильнике на блюде – огрызок грамм в сто, обветренный, с выступившими солеными капельками. Леся аккуратно натерла его, собрала крошки, стряхнула с ладоней в сковороду, поверх оранжевых глаз яиц.

– Ты сегодня в шесть заканчиваешь? – Юра сглотнул, кадык прошелся по колючей шее.

– Нет, Юрочка, я задержусь немного...

– Опять? Что у тебя там, любовник?

Она уронила лопатку. Промокнула кухонным полотенцем глаза.

– Да шучу, вот дура, шучу. Кому ты такая нужна? Работа вот нужна. Была бы у меня работа, я бы тоже задерживался. Больше пашешь – больше денег.

– Да, Юрочка.

Переложив яичницу на тарелку, Леся поставила перед мужем завтрак. Вчерашний пакетик чая – на две чашки. Есть еще хлеб и варенье. А масло кончилось. Юра уже вчера ругался, он бы и сейчас ругался, но – не может, занят, ест. Белок пошел пеной, схватился корочкой, и Юра хмурится.

– Мне пора, – Леся дожевала хлеб. – Я уже опаздываю.

Он не поднялся, чтобы поцеловать ее на прощанье – подбирал мякишем растекшийся желток.

Янтарь был – переваренным желтком, крохким, непрозрачным. Бабуся поставила раскладной стульчик на прежнем месте, и снова перед ней лежали балетки и книга, а с подсвечника свисали две нитки бус – жемчужная и янтарная.

Леся присела на корточки, перекинув сумку на колени, и дотронулась до солнечного камня. Сколько же ему лет, что он так помутнел? Состарился вместе с владелицей? Бусины тяжелые, продолговатые, такие подойдут осанистой даме – старуха была видной? Декольте – полочкой, выя – мраморной колонной, высокая прическа, непременно медно-рыжая, глаза подведены толстыми стрелками. Или эта мода пришла позже?

– Берешь чи нет, доню? Сто гривен.

Яйца, масло, молоко и хлеб. И макаронны. И к ним – пару куриных ножек или сарделек взять можно...

– Дорого...

– Тоби треба – бери, а не надо – так и-иди себе. А дешевле не буде.

Янтарь был теплым. Чуть-чуть теплым, как детская щека. Галька на утреннем пляже. Леся выудила из сумки кошелек (лопатник под леопарда, подарок свекрови), из-под фотографии Юры выцарапала сложенную треугольником сотку.

– Почта полевая, – пробормотала бабуся. – Так и Михасино принесли, с крестом, значит, не нашло адресата.

– Что? О чем вы?

Денюжка легла на протянутую ладонь – дрожащую, в толстой пестрой варежке домашней вязке.

– Ну, забирай, коли заплатила, то и забирай, и иди себе. Нечего...

Из-под толсто намотанного платка капали на клеенку слезы. Леся сняла с подсвечника бусы, сжала их в кулаке, поднялась (затекшие колени хрустнули) и пошла вдоль забора, туда, где березы.

Когда она оглянулась – бабки не было. И вообще никого не было на автостанции.

Вычитывали-сверяли-верстали, день прошел, и Людмила Валерьевна сказала, заглянув на прощанье:

– У кого денег совсем нет, могу аванс дать. По триста.

В отделе зашуршали, запищали, но денег хватило только на мальчиков – «хлопчикам больше надо, у них семьи, а у вас, девочки, мужья есть». Мужья – есть. Леся брела домой в обход магазинов, еще не стемнело, и ракета возле Музея Космонавтики целилась в сиреневое небо, отсвечивая гладким боком.

Бусы Леся засунула на самое дно сумки, подальше, они еле слышно погромыхивали при движении – камни терлись друг от друга, будто подхваченные легкой волной.

... вот бы подарок. Приятную мелочь, как пишут на сайтах, порадуйте любимую, подарите ей праздник! Кольцо с изумрудом или серьги с агатом или – бусы, тяжелые, словно набранные из спелой алычи. Гладкие камни – один к одному. Приподнять волосы, и сзади на шею лягут, застегивая, шершавые руки, скользнут по плечам – тебе, любя моя, тебе, кохана, сонечко мое ясное, так подходит к глазам, ты посмотри, ты – царица у меня, другой нет и не будет. Я бы жизнь за тебя отдал, милая, я бы горы свернул. И рассмеяться в ответ: ну так иди, сверни, великан-богатырь, прям можешь с пня посреди двора начать, торчит гнилым зубом, перед соседями соромно! И когда развернет, когда стиснет в объятьях – зажмуриться. Усы у него щекотной щеткой, в нос лезут, вот-вот чихнешь, и грудям тесно – так прижал, всю расплющил, в себя вобрать хочет. Пахнет от него солоно, крепко, и запрокинуть голову, и дыхание перехватывает, и горло сдавливают, и слезы вот-вот брызнут, и нет такой силы, чтобы оторвать, чтобы разлепить, чтобы – поодиночке.

Леся стояла перед дверью подъезда. Заходилась, вопила дворовая кошка на спинке скамейки – даааай, даааааа!

– Нет у меня ничего, – пожаловалась Леся, – нет еды.

В кулаке она сжимала янтарные бусы.

Сверху упал окурок, рассыпался искрами под ногами.

– Леська, ты домой вообще идешь? Чего встала?

Это Юра курил на балконе.

На трамвае было, конечно, дорого, трешка, но Леся опаздывала на работу – Юра с утра шуровал в холодильнике, гремел, выдвигая пустые ящики, потом совал телефон: позвони моей маме, почему тебе не заплатили, хоть своей позвони, у нее хозяйство. Леся ушла в комнату, перед дряхлым, на тумбочку взгроможденным прямоугольным зеркалом надела вчерашние бусы.

... кольцо обручальное опять в ломбард придется нести...

– Это что это ты нацепила? – буркнул Юра.

Отражался его волосатый живот и кривые, слишком худые ноги.

– Это откуда это у тебя, а?

– Подарили, – с вызовом бросила Леся. – Понял? По-да-ри-ли.

Высочила, пальто натянула уже на лестнице, шарф кое-как намотала. Пешком дольше, чем трамваем. Но – трешка.

– Перебьется, – сказала Леся дворовой кошке и почесала ее подбородок. – Похудеет. Пусть сам звонит своей маме. Может мне кто-нибудь что-нибудь подарить, а? Ну вот хоть бусы. Хотя бы сама себе.

Дотряслась до поворота и побежала вдоль трамвайных рельс чуть назад – полквартила в обратную сторону, потом – повернуть. К девяти уже открывались магазинчики: зерно на развес для скотины и птицы, трусы и колготы, парфюмерия и бытовая химия.

В сплошном их ряду слева мелькнул разрыв, и Леся остановилась.

«*Барахолочка*» – значилось над аркой, ведущей в просторный внутренний дворик. Раньше Леся такого не замечала.

Там, по колена в тумане, застыли цаплями старики и старухи, обросшие пьяницы и опустившиеся, сгорбившиеся женщины в сером. Леся посмотрела на часы: через три минуты надо быть на работе. Леся посмотрела на вывеску. Нет, точно, раньше ее не было. Леся посмотрела на туман, закрывающий асфальт. На трамвайных путях и на улице этого серого плотного облака нет, а здесь – будто разлили, будто установка специальная работает, как на концертах.

Она шагнула под арку. Понятней не стало. Вроде бы, у ног ближайшего деда – классического деда с лицом – печеной картошкой, в бушлате и ушанке – что-то лежало, товар, должно быть, – «*Барахолочка*» же, блошинный рынок. Но не разглядеть – что именно.

Часы пискнули – девять. Леся сорвалась и побежала, и, конечно, попала в неторопливую сутолоку сходящих с автобуса, пропихнулась, запыхалась, шарф размотался, и в дверях офиса столкнулась с Людмилой Валерьевной.

– Здравствуйте-Люд-Лерьевна, а сегодня будут деньги, не знаете?

– Мы, Леся, поощряем ответственных сотрудников, которые не опаздывают и проект в срок сдают.

У начальницы была свежая – только из салона – гладкая прическа, стрижка чуть ниже мочки уха, и волосы покрашены, блестят медью. Леся от неожиданности шмыгнула носом.

– Но я же...

– Что-нибудь придумаем, Леся, но аренду снова подняли, и, сама понимаешь, все мы – одна команда, надо немного перетерпеть, тем более, у тебя есть муж, а вон у мальчиков нет никакой финансовой подушки.

– Но у меня же...

– Леся, мы что-нибудь придумаем, – и Людмила Валерьевна пожала ее плечо.

Вечером Леся специально прошла мимо магазинчиков – уже закрытых. Прохода к «*Барахолочке*» она не нашла, наверное, потому, что уже темнело. Опять пришлось задержаться. Хорошо, ломбарды круглосуточные.

Юра не разговаривал. Пока Леси не было, он, конечно, доел варенье и теперь дулся, как мышь на крупу. Сидел за компом, глядя в экран и почесывая голову. Леся, не разуваясь, стояла на пороге комнаты и медленно разматывала шарф.

Когда женились – заканчивала институт. Юра уже два года, как закончил, и работал, а потом уволился – надо было отдохнуть, силы на исходе. Тринадцать месяцев со свадьбы прошло и десять дней. Вон – фотография подле кривого зеркала. В августовском золотисто-зеле-

ном зное: Леся в белом платье, и Юра обнимает ее сзади за талию. Оба смеются. Смеяться было легко, фотографу даже не приходилось шутить.

– На шее у невесты, – Леся крепко моргнула, потом протерла глаза, – теплыми каплями лежали янтарные бусы. Прозрачные и молодые.

Она скинула пальто на пол, мимо Юры прошла, встала напротив зеркала. Камни будто светились на матовой коже. В них вспыхивали искрами пузырьки воздуха, бродили какие-то тени.

– Юр, – позвала Леся, – посмотри, Юр.

– На что? Еще одну цапку «подари-или»? Чем ты хвастаешься-то, дура? Хоть бы золото дарили, а так – стекляшки.

– Юр, я тебя обманула. Я его на барахолке за три гривны купила. Оно мутное было. А теперь как новое.

– Врать-то научилась. Мама права была.

– Юр, я не вру! – в зеркале было видно его жирную спину – к вечеру Юра надел майку, – и экран компьютера – какой-то ролик мелькает или клип. – Я их купила вчера! Бусы!

– Купила... – он наконец-то повернулся. Нижняя губа масляно оттопырена, глаза – как у маминого щенка Лючика, глупые и упрямые, вишнями. – Хозяйка звонила. Пора за месяц рассчитаться – на неделю задерживаем. Где жить будем? У твоей мамы в хлеву?

– Зарплату задерживают, Юр. Я еды принесла – хлеб там, макароны сейчас сварю. Кольцо пришлось...

– А потому что на таких, как ты, все ездят, кому не лень! Если бы ты хоть увольнением пригрозила...

– Так уволят. Филологов без работы – полно.

Он вздохнул, рукой махнул. Леся постояла еще немного, подняла пальто, побрела умываться и приводить себя в порядок.

А если бы это и правда был подарок, самый настоящий подарок, просто так? Если бы кто-то дал ей украшение только потому, что оно подходит под цвет глаз и кожи? Увидел бы на прилавке и купил, хоть на последние, хоть на предпоследние? И знать – всегда, каждую минуту – он решит все, не бросит, не отвернется, рукой махнув, не оставит наедине с голодом, с бездомностью. И чтобы дворик бы свой, ну и что – пень? Ну, торчит, но Михась выкорчует, он сильный, Михась, рукастый, выжжет трухлявые корни, топором изрубит, только чтобы ей угодить.

Михась?

Какой еще Михась? Юра, Юра, конечно.

Только вот шершавые руки. Щеточка усов. Сонечко мое. Кохана моя. Янтарь на шее.

Леся заснула на кухонном диванчике над чашкой пустого «чая» – заваренных кипятком листиков земляники – и надкусанным куском белого хлеба, щедро намазанным спредом.

Все затекло, и Леся проснулась в шесть часов от боли в отлежанной руке. Юра еще храпел, за окном пузырилась дождливая серость, китайский будильник на буфете отсчитывал секунды, вяз в них, путался. Тик-так. Так-тик.

Как провожала – не плакала. Улыбалась. Бабы выли, соседка валялась, волосы выди-рала, каталась по двору, блажила, мужики мялись, отворачивались. Не хотела, чтобы Михась отвернулся. Гордо шла, голову вскинув, плечами поводила, янтарь играл на солнце, и Михась щурился в ответ, приподнимая кончики усов. Михась фашистов раздавит сапогом! Голыми руками порвет! Он свою жинку защищает. Он вернется, ведь ждать она будет – пуще всех. Она удержит. Он заслонит ее от беды, она его обнимет, закроет, сбережет.

Леся протерла глаза, поднялась, охая, поплелась умываться – не заснуть больше. Придет на работу раньше, и пусть попробуют заикнуться, что-де она опаздывает. Сядет в кабинете у Людмилы Лаврентьевны и не уберется оттуда, пока не дадут аванс. Сняла халат, не глядя в зеркало, сняла бусы, кинула на бачок унитаза, встала под душ. Всегда можно к маме. Мама примет. Там, в селе, пойти в школу.

С Михасем в селе встретились, она к родителям из города приехала, а мама, музыкальный руководитель, в Доме Культуры помогала ставить пьесу, и Михась, – здоровенный, как лесной великан, путаясь в словах, разбавляя их побасенками своей придумки, – в главной роли. Смеялась мама за пианино, смеялась, уголком платка промокивая глаза, городская дочка, оказавшаяся на репетиции.

Леся намылила руки, грудь, и замерла. Неожиданная округлость на месте «минус первого». В двадцать два сиськи не растут. Не приведи Господи, рак, у меня рак! Несмело глянула вниз. Третий? Третий с половиной? Уютная округлость, спелые полушария. К ним голову любимую прижимать, у них детей баюкать...

Я сплю, отчетливо подумала Леся, мне сначала Михась виделся, теперь вот – что сиськи выросли. И задница, что ли, больше стала? Леся отодвинула пластиковую шторку, ладонью протерла запотевшее зеркало и уставилась на себя.

Волосы гуще, губы – ярче, россыпь веснушек, а глаза – медовые.

– Это не я, – сообщила Леся зеркалу.

Кто-то двигался у нее за спиной. Кто-то еще был в ванной. Могучий торс, покрытый жесткими русыми волосами, крепкие рабочие руки. Михась обнял ее за талию. Леся обернулась навстречу. Лилась горячая вода, заполняя санузел клубами пара, и все это – мерещилось. Усы его щекотные, твердые губы, горьковатое со сна дыхание, нежность и настойчивость, и нетерпеливость сначала. Этого просто не было, и не падали с бачка унитаза янтарные бусы, и Леся не дышала хрипло, обняв Михася за шею, не впивалась зубами в его плечо, чтобы не закричать, и он не стонал прерывисто, не шептал в ухо: кохана, кохана, сонечко.

Она сидела на древнем мокром кафеле, дышать было нечем. Никого, конечно, не было рядом. Леся протянула руку и толкнула дверь, чтобы пустить немного воздуха. Огладила себя: минус первый, жопы как не было, так и нет, выступают цыплячи ребра. Поднялась, сверилась с отражением: да, это она, – ни медовых глаз, ни пухлых губ, ни Михася.

– Сдурела? – Юра стоял в коридоре. – Ты что там полчаса плещешься? Миллионерша? Счета знаешь, какие придут?

Леся закрыла дверь перед его носом.

Туман, заливающий «Барахолочку», был сегодня ниже и реже. До начала рабочего дня оставался еще час, и Леся, обрадованная тем, что рыночек так рано открыт, нырнула под арку. Сегодня она не шла – летела, перепархивая через лужи, раздвигая руками дождевые струи, янтарь грел, волны тепла проходили сквозь тело, и немного саднили губы, расцарапанные о несуществующие усы несуществующего человека.

Вроде бы вон та гора темных тряпок – бабка, продавшая Лесе бусы. Через три человека от входа, между худой, растрепанной женщиной и обожженным солнцем, как глиняный горшок, дедом. Леся шагнула к ней, шагнула еще – но расстояние не уменьшилось, бабка не стала ближе, серолицая и дед – тоже, и все остальные торговцы будто отодвигались от Леси, стоило пойти в их сторону, а мутные струи тумана скрывали наваленные на клеенках у ног вещи.

Над рынком было тихо, как бывает осенью на клюквенном болоте, и стоял тот же стылый холод. Леся съежилась, обхватила себя руками.

Часы на руке пискнули – половина девятого. Она проторчала здесь тридцать минут. Леся развернулась – и сразу оказалась перед выходом. Обернулась через плечо: фигуры торговцев дрожали, расплывались, таяли.

Она побежала к офису, отяжелевшая, отсыревшая, вымерзшая, и была встречена верстальщицей Кристиной, крикнувшей, как только Люся переступила порог:

– Аванс сегодня будет! По пятьсот!

Триста из них надо занести в ломбард, выкупить обручку. Если у Кристины верные сведения...

К обеду явилась Людмила Лаврентьевна, блеснула бриллиантом в ушке, милостиво склонила голову: заходите, девочки, порадуя вас. И девочки радовались, получая по купюре на нос, щебетали, голодно сглатывали, звонили родителям. Леся сидела за компьютером и разглаживала обеими руками мятую пятисотку. До зарплаты – хорошо, если две недели, триста – за кольцо, а чем платить за квартиру? И двести на еду. Мешок картошки, что ли, купить, проживут на картошке.

Звякнул телефон: Юра прислал бесплатную смс-ку «перезвони мне». Денег на счету у Леси не было, она, горя щеками, попросила Кристины аппарат, выскользнула в коридор, набрала мужа.

– Ты какого хрена так долго? – возмутился Юра. – У меня тут беда!

Похолодело и застучало в горле сердце. Леся прислонилась спиной к холодной стене. Заболел?

– Приезжай немедленно! – командовал муж.

– Юрочка, я не могу, я на работе еще. Что случилось? Ты скажи мне сразу, я...

– Беда у меня! – он повысил голос. – Что ты за жена такая, если тебе насрать?!

– Мне не насрать! – крикнула Леся.

Людмила Лаврентьевна выглянула из кабинета, нахмурилась, покачала головой. Леся пожала плечами, извиняясь.

– Юра, скажи, что случилось? Что стряслось?

– Комп сломался. Ну и газ за долги отключили.

– Как?! Я же платила в прошлом месяце, квитанция...

– Ну пришли и отключили.

– Что ж ты им квитанцию не показал, Юра?

– А я знаю, где она лежит? Говорю же: комп сломался! Деньги на ремонт срочно нужны! А газ подключат, только оплатить надо будет, подумаешь. Вот комп...

Она выключила телефон и села на корточки. Цокнули рядом каблуки, Леся запрокинула голову. Людмила Лаврентьевна ждала разъяснений.

– Дома газ отключили, – сказала Леся. – За долги.

– Это потому что муж у тебя не работает.

– Это потому, – Леся поднялась и сжала Кристины телефон в кулаке, – что вы мне не платите. Пятьсот – аванс? Аванс должен быть половина оклада! И вовремя! Вы не платите, а мне газ отключают! И знаете что, Людмила Лаврентьевна? Подавитесь вы этой работой, слышите? По-да-ви-тесь! Я к маме в село поеду лучше. У меня высшее образование. А вы... со своими подачками... катитесь вы к черту все, я о вас как о страшном сне забуду!

Она кричала еще в белеющее лицо со сжатыми губами, потом ворвалась в кабинет, сунула Кристине телефон, схватила пальто и выбежала прочь. Пятисотка мягко хрустела в кармашке джинсов.

Зачем-то выкупила кольцо. Обручка – память о любви, обернувшейся нищетой и унижением. Память об ошибке. Леся вышла из ломбарда и глубоко дышала сгущающимся туманом. Оставалось еще двести гривен, билет до родного села стоил двадцать, вещи оставались: и почти целые почти новые сапоги из секонд-хенда, белое платье в шкафу (на прокат брат Юра запретил, – это же символ, детям покажем), оставалась сумка, янтарные бусы.

Рядом кто-то был. Не оборачиваясь, по натянувшемуся на груди пальто, по слишком туго облепившим джинсам Леся знала – Михась. Он обнял за плечи, и она притулилась, зажмурилась. А ведь белое платье можно продать. Утром вытащить на «Барахолочку» и избавиться – может, кому-то принесет счастье, принесли же мутные капли бурштына ей свободу.

Леся пошла на трамвай, ощущая всем боком тепло идущего по правую руку Михася. В его сторону она не смотрела, любовалась синевой опускающихся сумерек, вспышками огненных березовых листьев, черным блеском мокрого асфальта. Если посмотреть – видение отступит.

В вагоне было тряско и пусто. Леся села у окна, Михась – рядом.

Юра названивал (и нашлись же деньги пополнить счет!), она не брала трубку.

Ступая плавно, обогнула пятиэтажку, почесала кошку «даааааай! Дааааааай!», поднялась на свой этаж, открыла дверь и зашла в квартиру. Юра выскочил из спальни:

– Ага, яв...

Осекся, задергал кадыком. Михась стоял рядом с Лесей. Отодвинув мужа (бывшего! бывшего!), оглядела с порога единственную комнату. Чемодан у задней стенки шкафа. С ним Леся поступать приехала. Стопками – одежду, белье, с тумбы под зеркалом – детский крем, щетку для волос.

– Ты это... Лесь... Это...

Белое платье завернуто в целлофан, пожелтевший за год. Леся скатала его рулоном, не разворачивая, запихала в пакет. Работает еще «Барахолочка»? Должна, как раз конец рабочего дня, мимо идут люди, разглядывают пожитки стариков.

– Я вернусь через час, Юра. Собирай вещи и уезжай к маме.

– Ты что?! Ты что, сдурела?! Как я поеду? У меня комп сломался! У меня на проезд нет! Леся, прекрати это!

Михась шевельнулся рядом – хотел ударить. Леся сдержала.

– Через час, Юра. Потом я поеду домой. А ты – как хочешь. Хочешь – оставайся, только никто уже не будет покупать тебе еду.

– Леська, да что с тобой? – тихо спросил Юра. – Ты на себя не похожа. Будто и не ты вовсе. Ухватив пакет с платьем, Леся вышла вон.

Туман развеялся, «Барахолочка» лежала перед Лесей. Она двинулась по рядам, жалея, что не прихватила клеенку – придется держать платье в руках. Вон та бабка, продавшая бусы – вскидывается, смотрит бездумно, слезы катятся по щекам. Вот остролициная седая дама слегка за сорок – перед ней почему-то разбитый ноутбук. Старик, присев на корточки, гладит темные переплеты книг. Парень чуть старше Леси со спутанными длинными волосами продает гитару, перед тучной пенсионеркой – детские игрушки и крохотные башмачки, перед девушкой лет пятнадцати – краски и кисти.

Леся выбрала себе место, вытряхнула платье из кулька и развернула его.

Белый флаг. Капитуляция.

Покупателей не было. Михась отлучился куда-то. Дама с разбитым ноутбуком оказалась как раз напротив Леси.

– А вы почему?.. – Леся запнулась. – Почему здесь?

– Хочу забыть. Как и ты. Как и все.

Ерунда какая, решила Леся, зачем тогда бабке было продавать бусы – что, хотела избавиться от Михася, от чудесного, сильного, самого лучшего Михася? Какая ерунда.

Седая дама молчала. У Леси начали ныть руки – она перекладывала платье, пытаясь устроить поудобнее, но не получалось. Что-то царапало, что-то ползало по щеке. Леся заозиралась – на нее, все еще рыдая, смотрела бабка.

...похоронка треугольником, имя зачеркнуто – не нашло письмо адресата. Официально потом, потом напишут боевые товарищи, командир: погиб героем за родину и за Сталина, за нее погиб Михась при второй попытке освободить город. Она не выла. Другие выли, соседка лупила старую яблоню, будто та виновата, а потом на ней и повесилась – трое детишек, чем кормить, как поднимать, они с Михасем детей не успели, отложили на «после войны», а были бы дети – может, рыдала бы, может, подушку бы грызла, может, легче бы было. Застыла, подруги тормозили, под руки вели, сами такие же – худые, черные, высушенные...

Белое платье упало в грязь.

Леся хватала ртом воздух, Леся рванула пальто, шарф, нашарила теплые бусы под воротом.

Перед ней стояли двое: дочка лет двадцати с мамой. Дочка протягивала треугольником сложенную сотню:

– Этого хватит за платье?

И Михася не было – никогда и нигде – Михася не было рядом.

3. Смерть мирового

– Авто, ребенок, пересечение Святослава Рихтера и Первого Мая, – сквозь помехи в радиии объявила диспетчер.

– Попили, блядь, кофейку, – водитель врубил мигалку. – Пожрали, блядь.

Олег сидел в салоне, врач, Дмитро Володимирович, рядом с водилой. От крутого разворота его швырнуло на каталку, пришлось уцепиться за сидение обеими руками и жопой.

– Пострадавших сколько? – спросил Дмитро Володимирович диспетчера.

– Свидетели вызвали, нет информации.

Июнь: чубушник, который в народе называют жасмином, плавность и томность, подростки под пивом, и нестерпимо хочется если не гулять, то хотя бы выспаться. Олег разжал вцепившиеся в металл и дерматин пальцы, потер глаза. Ч-черт. Только сейчас дошло: ДТП, пострадал ребенок. Поэтому и мигалка – никогда не знаешь, труп там или тяжелый или...

– Короче, Олечка, – Дмитро Володимирович удостоил фельдшера разъяснительной беседы, – твое дело – подавать, что прошу, держать, где скажу, и не тормозить. Уяснил?

– А если...

– Уяснил, спрашиваю?

– Уяснил.

– А если – действовать по обстоятельствам, но спросив у меня совета.

– Потому что такие вот действуют, а мы потом труповозкой работаем, – добавил водитель.

Олег подумал – и не послал его на хуй. Когда у тебя третье дежурство, даже водила больше тебя знает и рваться пользу причинять не следует. Ничего не понимаешь – помалкивай. Подчиненный вид должен иметь бравый и придурковатый... Ладони вспотели, в горле пересохло; внутри что-то противно дрожало, как бельевая веревка на ветру.

Скорая затормозила резко – Олега опять едва не швырнуло на пол – и водитель объявил:

– Вылазь, эскулапы, поезд дальше не идет.

Серега, дежурный водитель их бригады, был начитанный и вроде бы с высшим даже образованием. Олег потрянул башкой, отгоняя лишние мысли, распахнул двери в торце и спрыгнул на асфальт, волоча за собой чемодан с инструментами.

Машина – вишневым ланос – уткнулась носом в фонарный столб. ДАИ еще не было, зато зевак собралось – полгорода. Дмитро Володимирович припустил к автомобилю, смешно виляя жирным задом, – этакий пингвин в синем,. Олег ломанулся следом. Задняя дверь распахнута, ребенок плачет. Рост позволял Олегу заглянуть в салон через плечо врача. Девочка лет восьми рыдала, одна рука у нее повисла, от плеча тянулась струйка крови, капли падали на пол.

– Ма-амаааа!

За рулем, ударило Олега, вот блин. Дмитро Володимирович бросил ему:

– Считаем потерпевших, выбираем самого тяжелого, оказываем помощь, вызываем подмогу.

Водитель была в сознании, сидела, вцепившись в руль, смотрела прямо перед собой. Дмитро Володимирович распахнул дверь:

– Женщина! Слышите меня? Не двигайтесь. Олег, воротник. Нельзя исключать травму шейного отдела...

– Я цела, – заторможенно отозвалась женщина. – Его всмятку.

Олег посмотрел на столб, куда пялилась водительница.

Патрульные приехали, когда Олег уже вызвал другую бригаду на политравму: ребенку требовалась помощь, похоже, рука сломана, возможно, матери тоже.

А вот самый тяжелый и правда был «всмятку»: оказался между капотом ланоса и фонарным столбом. Олег как-то застыл, но не тормозил: давал, что просили, и не путался под ногами. Потерпевший корчился насаженным на булавку жуком, и не было возможности его вытащить: стоит ланосу сдать назад, скорее всего, внутренности вывалятся на заплыванный газон. Из рта шла, пузырясь, кровь, руки шарили по капоту, оставляя мутные полосы, наверняка сучил он ногами и точно обмочился. Воняло страшно, как на скотобойне.

Потерпевший не кричал, он хватал ртом воздух, булькая и хрипя. Сквозь длинные, спутанные, невнятно-седые волосы видно было, как вращаются белые глаза.

Дмитро Володимирович вогнал ему укол в предплечье, Олег отметил на память: потом спросить, что именно.

– Ждем ментов, – сквозь зубы процедил врач.

Водитель принялась тоненько подвывать, по-прежнему не шевелясь. Олег оценил диспозицию и сунулся к ребенку. Девочка, конечно, была в шоке, звала и звала маму, сидевшую прямо перед ней. Потрепал по коленке:

– Сейчас, сестренка, сейчас и тебя вылечим, и маму твою. Все будет хорошо.

– В з-з-зеркале, – стуча зубами, выдавила из себя девочка, – з-з-зеркало рж-жавое! Мамаааааа!

Олег на всякий случай глянул на зеркала заднего вида – обычные стекла, кровь на них как-то попала. Вот и мерещится... да что там, даже ему мерещится, будто эти ржавые потеки шевелятся, пульсируют тошнотно.

Завывая сиренами, прикатила детская бригада, с ней – реанимация, подъехали наконец-то патрульные. Реаниматологи занялись умирающим у столба, детская – девочкой, а Дмитро Володимирович просунулся в салон, померил длину шеи водителя, застегнул на ней воротник, при помощи перехватившего Олега аккуратно вынул дамочку, избавив от необходимости смотреть на дело рук своих.

Тут к ней сунулись менты. Олег одного узнал – Сёма из его двора, сперва воевал, потом подался в полицию, на патрульного. ДАИшников еще не было, Скорая могла их не ждать, а вот патрульные почему-то хотели опросить тех участников ДТП, кто еще мог разговаривать. Насколько понимал Олег, не их юрисдикция, хотя хрен разберешься после этой реформы.

Сёма был чуть старше его, на голову ниже, квадратный, рубленый, наглый. Сунул руку, выплюнул окурок, и набросился на водителя с расспросами: пила или нет, как долго права, а не кололась ли? Женщина отвечать не могла, и Дмитро Володимирович мягко ментам намекнул, что ей в больницу надо, вот, запишите, куда везем: в центральную городскую – и приходите потом.

– Да чего приходите, – Сёма подмигнул Олегу. – Вишь, доктор, кого по столбу распидорасило? Это ж Жека Гашенный, первый нарик на районе. И алкаш заодно. Если ваша дамочка трезвая была – никакого дела не будет, достал он всех. Из-за таких придурков страна в жопе. На передовой кто не синячил – тот кололся, а были бы нормальные – мы бы победили быстро, без этой сраной дипломатии. Я бы таких отлавливал – и в биореатор. Чтобы молодежи правильный пример подавать.

– Человек же, – Олег зачем-то посмотрел на Жеку Гашенного.

Взгляд пострадавшего сфокусировался на лице фельдшера, вращение глазных яблок остановилось. С трех метров Олег видел, как пульсируют его зрачки, сужаясь и расширяясь, в такт пульсу или вытекающей крови, в такт судорожному дыханию. А это точно наркоман

и алкоголик Жека дышит, или через его легкие, через него прокачивает вонючий воздух места происшествия мир, отрастивший Жеку как некий орган?..

– Ты чего, в обморок падать собрался? – спросил Сёма откуда-то. – Док, тут твоему салаге плохо!

...руку, например, и эта рука сейчас цеплялась за бытие, за возможность существования, и нащупала в слепых своих поисках Олега, и схватила его, в агонии сжимая пальцы все сильнее.

– Помоги, – без интонаций подумал умирающий наркоман.

Вокруг них вихрем носилось что-то мелкое и серое, будто обрывок печного дыма, и скулило в панике. Чем – помочь? Как – помочь? Тут же реанимация, если есть шанс – то... Но врачи казались камнями – недвижимыми и никогда не бывшими живыми: они застыли и отодвинулись.

– Тогда возьми.

Рядом был кто-то еще, видящий и слышащий. Олег не мог осмотреться, но чувствовал напуганное присутствие маленького человека – девочки со сломанной рукой.

Как брат, что брат? Руки умирающего все еще шарят по капоту ланоса – только не вишневого, а ржавого, покрытого шевелящейся коростой. В них ничего нет. Растопыренные пальцы – куриными лапками из лавки на углу: берите, обжарить – лучше нет закуски под пиво. На выдохе из Жеки Гашенного вырывались облачка тончайшей охряной пыли, оседали на траву, неподвижных врачей.

– Возьми.

Умирающий дунул – и пыль полетела Олегу в лицо. Девочка рядом тоненько пискнула.

Фельдшер хлопнулся на землю в тот самый момент, когда потерпевший скончался, не приходя в сознание, от полученных при ударе бампером вишневого Дэу Ланос (гос. номер АМ4321ВР) травм. Семен так и думал, что упадет – очень уж побелел Олег. Первая смерть – всегда тяжело, и убивать проще, чем быть свидетелем. Семен бы сподвижников Гашенного пачками отстреливал, а вот смотреть, как дохнет – неприятно. И вонь еще эта. Вон, и девочка сомлела, врачи суетятся: ну с ней понятно, и перепугалась, и пострадала. Эх, потреплют ее маме нервы.

Напарник уже составил протокол, можно было расчищать место – забирать ланос, ждать труповозку, чтобы увезли Гашенного. Только смерть засвидетельствовать.

Реаниматологи отошли в сторону и закурили. Врач линейной бригады сунул под нос Олегу нашатырь.

– Слаба молодежь, – заметил усатый реаниматолог.

Его напарница, коротко стриженная сухая женщина около пятидесяти, затянулась и кивнула.

– Третье дежурство, – вступился за салагу водитель. – Он еще жмуров не видел. А тут, согласитесь, эскулапы, зрелище неординарное.

– Да уж, – подхватил усатый, – случай ясный и безнадежный. Хорошо она его приложила, будто специально.

«А если предумышленное?» – прикинул Семен.

Возможность у нее была, орудие преступления налицо. Мотив? Спер у нее Гашенный что-нибудь. Или младшего брата на иглу посадил. И вот дамочка ехала (с дочерью на заднем сидении, заметим в скобках), а тут Жека телепается. Она выворачивает руль, газ в пол, паразита – к столбу. Но дочка... не стала бы она дочкой рисковать. Хорошо, допустим, она Жеку убивать сегодня не планировала, а просто тихо ненавидела. А тут он идет – и в состоянии

аффекта, это ясно, что в состоянии, – среди белого дня, при толпе свидетелей – размазывает Гашенного.

В августе Семен собирался поступать на юридический, потому на некоторые происшествия тренировался смотреть не как патрульный, а как следак или опер. Сейчас мешала субъективность: даже если дамочка спланировала убийство заранее, Семен был на ее стороне. И надеялся, что ничего на нее не повесят.

Бледный, но уже не трясущийся Олег помогал водительнице забраться в «Скорую». Под носом у него что-то желтело – будто одуванчик понюхал.

Как дальше дежурил – не помнил. Ночь, кажется, выдалась спокойной, Олега отпоили чаем на станции, потом были какие-то вызовы, потом он приволокся домой через полгорода, стараясь избавиться от ржавого привкуса во рту, залез в душ, долго мылил лицо и промывал нос, решил пожрать – поставил сковородку на газ, присел отдохнуть, проснулся на кухонном диванчике. Сковородка воняла – перегрелась.

Олег встал, покачиваясь, выключил плиту. Добрел до спальни и провалился в темноту.

Что-то ему все-таки снилось, но он не мог уловить, что. Мельтешение цветных пятен, наполненное глубинным, неотразимым словами и понятиями, смыслом. Ощущение переполненности и разобщенности, изолированности.

Проснулся рывком – темнело. Форточка хлопала, начиналась буря. С балкона виден был грозовой фронт, изогнутый линзой, бурлящий белой пеной, наползающий на закат. Туча крышкой придавливала лучи, в асфальт закатывала небо. Низкая, плотная, непробиваемая. Ветер выключился. Туча надвигалась бесшумно, отсекая мир земной от высших сфер. В квартире за спиной Олега раздался выразительный плач. Там никого не было, но там голосил профессиональный плакальщик – будто не рыдания, а прощальная песня без слов. Волосы на всем теле встали дыбом. Олег вцепился в перила балкона.

Песню подхватил неподвижный воздух. Ей вторили деревья и трава. В тон журчала вода, падая с закрытой соседней девятиэтажкой плотины, гудели гранитные скалы по берегам реки, содрогались холмы, за гордом стонали, склоняясь в поклоне, леса, и птицы падали вертикально, замирая у самой земли, будто стремились разбиться. Олег слышал собачий вой, слышал вороний грей, но, кроме этого, была скорбь – единая и неделимая – невидимого плакальщика за спиной, несуществующих тварей, населявших, по мнению предков, навь.

Когда туча закрыла почти все небо, оставив лишь узкую, сочащуюся золотом, щель на западе, – обрушилась тишина. В ушах звенело, давило на виски, Олег не удержался – опустился на корточки, по-прежнему цепляясь за перила. «Возьми», – шепнуло асфальтовое небо. Возьми. Но что же именно я взял?! На скорчившегося человека рухнул ливень.

Семен принял коньяку на сон грядущий. Повезло жить одному, в чистоте и порядке, устанавливая режим дня: утром – зал, днем – работа, ночью – иногда тоже. Если нет – вечером можно в баню или почитать (он уважал исторические книги), раз в неделю – коньяк и на боковую. Иногда у Семена заводились девушки. Но расставаться со свободой он не спешил. И нарушал привычный порядок сам – по желанию, как сегодня. Из головы не шел сдохший, – туда ему дорога, – Жека Гашенный. Семен наведился в хату Гашенного после того, как труповозка забрала тело. Дом стоял в Цуглинном переулке, среди зажиточных особнячков, оттяпавших у Ботсада приличный кусок. Только вот Жека не организовал ни красной черепицы, ни кованой ограда, ни стеклопакетов: хатка его по пояс провалилась в землю, а крыша провисла хребтом

старой собаки. Перед единственным уцелевшим, не забитым фанерой, окном, высилась гора бутылок.

Ничего нового Семен на месте не узнал, даже с операми не столкнулся – хрен ли им делать здесь, они и дело-то открывать не будут.

А вот – не шло из головы. Низкая притолока, заставившая Семена поклониться чуть не в пояс. И внутри: темень, вонь, на стенах – обереги из соломы и тряпочек, в углу – каменная баба, отполированная, словно Жека ее мацал ежедневно. Шприцы, конечно, под ногами хрустели, осколки.

Снилась та же муть: Жека, елозящий руками по капоту, запах от него. Проснулся от того, что форточка хлопнула – начиналась гроза. Пробежался по квартире, закрывая окна, высунулся на балкон – любил начало бури.

На город напал грозовой фронт. Ударил холодный ветер, сорвал соседкино белье с веревки. Потом ветер стих – и на город, смывая грязь и пакость, рухнул ливень. Семен стоял под его струями, подставляя лицо, а потом, освеженный, вернулся в кровать. На грани забывтья скользнула мысль о Жекиной крови, которой и следа теперь не останется, и исчезла.

Олег не смог побриться – зеркало шло волнами, то мутнело, то яснело, поверхность его ребрилась и волнами шла. В уголках скопилась ржавчина. Он списал бы это на безумие, накрывшее вчера, но остальное было привычным и вписывалось в реальность. Переутомление, наверное, или сосуды шалят. Психиатрам сдаваться рано.

Впереди – трое суток отдыха.

От вчерашней бури не осталось и следа.

Вымученно насвистывая «в траве сидел кузнечик», Олег сжевал бутерброд с лежалым сыром, сунул в рюкзак плавки и полотенце, фантастический трешак про супергероя в космосе, в карман – двадцатку на пиво, – и отправился на реку. Купаться, может, и холодно, но позагорать – в самый раз. Проветрить мозги, чтобы не мерещилось всякое. Стыдно вспомнить, как он корчился на балконе под дождем, как ревел... и не надо вспоминать, а надо спуститься к ларьку, попросить баклажку холодного и чипсы, умытым переулком спуститься к общаге, обогнуть ее и – ох, белых акаций грозди душистые, привет аллергикам – спуститься к мутно-зеленой, набухшей водой, реке.

Слева на пригорке – старое кладбище, заросшее, уже никто и не помнил, как хоронили там своих усопших и по какому обряду. Олег зачем-то остановился, поджимая пальцы в шлепках. Даже крестов нет – одни холмики безымянных могил, на картах это место никак не отмечено, но местные знают – погост. В недвижимом воздухе висел забивающий носоглотку сладкий аромат акаций, и к нему примешивалась вонь крови, опорожденного кишечника – недавней дурной смерти.

Он полез на холм, шипя сквозь зубы, когда крапива жгла голые ноги. Пиво сонно булькало в рюкзаке.

Молодые побеги малины и ежевики переплелись, образуя естественную и очень колючую изгородь. Олег попытался обойти ее – и наткнулся на недавно прорубленный в зарослях проход. По нему ползли струи волглого дыма, путаясь под ногами. Трава скукожилась, болезненными трубочками свернулись листья. Олег ступал осторожно, высоко поднимая ноги.

Заросли все тянулись и тянулись на сотни метров: свежий ход, петляя, карабкался на вершину холма, кусты по бокам вставали выше человеческого роста, – не понять, какого они вида, то ли сирень, то ли пресловутый чубушник, – листья ровные, матовые, лишённые индивидуальности. Подлесок кончился с новым поворотом тропы, выплюнув Олега на круглую поляну.

Вокруг нее смыкались исчерна-зеленые разлапистые ели, плечом к плечу, так плотно, что не пройдешь. Трава под ними не росла – лишь шевелилась нетронутая солнцем тьма. Оттуда тянуло мокрой стужей, заставляя покрываться мурашками. Центр поляны протыкал падающий вертикально вниз солнечный луч, почему-то один, цилиндрический, овеществленный.

В нем плясали... пылинки?

Олег поправил лямки рюкзака и сощурился.

Нет, это были не пылинки. Крупные, с кулак, ночные бабочки – или сизые хлопья сажи, или призраки птиц. Челночный их танец – как у поденок – заставил Олега сделать два шага из подлеска на поляну.

Трава покрыта инеем. Солнечный луч упирается в сложенное колодцем кострище – целые бревна вековых елей пошли на него. Высотой кострище метра три, что покоится на нем – не разглядишь, но ясно: покоится. Именно оттуда ползет гибельный смрад.

Звенящую тишину нарушил давешний плач: песня без слов, прощальный стон, подхваченный стоголосом.

Скрестив ноги, Олег сел, где стоял, перекинул на живот рюкзак, вытащил баклажку пива, свернул ей горло, глотнул и, не глядя, передал налево, против часовой стрелки. Кто-то принял подношение, забулькал. К кострищу вышла вчерашняя девочка с рукой на перевязи. Она несла зажженную свечу, ступая плавно, по ниточке.

Быстрее стал танец поденок, громче – стон, ярче – луч, обжигающим – ползущий по траве холод. Девочка сунула свечу внутрь кострища.

Взвился дымок, затрепетал, поднимаясь, горячий воздух, и бревна лизнули жадные языки огня. Пиво вернулось справа – в баклажке совсем не убавилось. Олег отхлебнул еще. Девочка замерла, опустив голову и приложив уцелевшую руку к груди. Костер трещал. Он вспыхнул факелом, затмив солнечный луч, он сжег танцевавших в сверкающей оси существ, и в этой вспышке Олег увидел безумного, иссохшего, с белыми глазами и спутанными волосами Жеку Гашенного.

– Возьми, – сказал Жека. – Возьми или возьмет другой. Бери, этот мир нужно держать, бери и держи.

«Не хочу, – подумал Олег, – я вообще мимо проходил, я с ума сошел, вот мне и мерещится, не буду я ничего брать, спасибо, достаточно».

С треском, стреляя искрами во внезапно потемневшее небо, костер поглотил сам себя.

Стало много вызовов на констатацию смерти. Тонули в ваннах, выпадали из окон, разбивали стекла, и осколки вспарывали хорошо, если вены – чаще почему-то артерии. Это длилось девять дней, Олег выходил на полторы ставки, и домой приползал вымотанный, без эмоций. Ему снилась ржавая плесень.

Она покрывала любую отражающую поверхность, расползалась по зеркалам – от обеих, в ванной и в комнате, он поспешил избавиться, набросив ветхие простыни с расстояния в три шага, и потом аккуратно вынес на помойку. Там Олег зачем-то (так надо) разбил их на мелкие осколки подвернувшейся под руку половинкой кирпича. При каждом ударе из-под тряпок вырывалось облачко рыжих спор – ржавой трухи, носимой ветром.

На одном из вызовов – труп валялся на подъездном козырьке, удар пришелся на ноги, позвоночник сложился – Олег столкнулся с Семеном.

– Банда орудует, – сообщил патрульный. – Понять бы только, какая. То ли нацики разгулялись, то ли черные риэлторы.

– Думаешь? – удивился Олег. Для него очевидна была связь смертей с плесенью.

– Предполагаю.

Они спустились вниз и закурили перед подъездом.

– Сам посуды: квартиры освобождаются. И ведь не только трупы. Люди пропадают. Оперативники, Олех, ничего не видят и ничего не слышат: ясно, замазаны. А пропадают десятками. Жил себе человек – и вдруг его нет, будто не было никогда. Документы подчищены, ни следа, в домовое книге – предыдущие жильцы, а этот даже не родился. Соседи глаза отводят. Родные... отряд не заметил потери бойца. Но я-то помню, например, бабу Валу из третьего подъезда. Или Катерину с пятым размером. Такое чувство, будто я один их помню.

– Какую бабу Валу?

Патрульный уставился на него с недоверчивой ухмылкой.

– Которая магазин убирала, «Гурман». Да ты чего? Она нас еще пацаньем гоняла с гаражей!

– Кто-то гонял. Но бабу Валу не помню. И с пятым размером никого не помню.

– Тебе тоже подмазали? – ослабился Семен.

– Да если бы, живу на одну зарплату, – Олег развел руками, показывая: пусты они, нет в них чемодана с миллионной взяткой.

– С ума вы все посходили.

Семен в сердцах сплюнул на асфальт и побрел к машине, опустив голову. Олег честно напряг память, перебирая жильцов родного двора, продавцов в ближайшем магазине. Кто-то же там, наверняка, убирал? Нет, ничего не всплывает. Из третьего подъезда бабушка? Баба Зоя была, но умерла давно. А Вали не было никакой.

Водитель Серега читал газету. Врач еще заполнял бумаги.

– Слушай, Серега, патрульный говорит, люди в городе пропадают. И так, что все о них забывают тут же. Имена мне называет – я, вроде, должен их знать, а не помню таких.

– Ну, тут одно из двух, – Серега поправил очки на носу. – Либо крыша отъехала у гражданина полицейского, либо, товарищ коновал, у тебя Альцгеймер.

– А ты ничего такого не замечал?

– Мои знакомые не пропадали. Но если следовать твоей логике, даже пропади моя дорогая теща, я не смог бы отметить это событие, моментально о ней запамятовал.

Врач, Ангелина Петровна, наконец-то закончила с бумагами и спешила к Скорой. Работать с ней Олегу нравилось, она, в отличие от Дмитро Володимировича, не припоминала позорный обморок на третьем дежурстве.

– Что-то Дмитро Володимирович давно с нами не ездил, – сказал Олег. – В отпуске, что ли?

– Какой Дмитро Володимирович? – Серега удивился неподдельно. – Не было у нас на подстанции таких.

Разыскать даму, сбившую Жеку Гашенного, не составило труда: в горбольнице записывали адрес прописки, и у выписавшейся через три дня после ДТП женщины он совпадал с местом проживания. Вряд ли она помнит врача, оказывавшего первую помощь, но вдруг? Дмитро Володимирович стерся из памяти диспетчеров и коллег, его супруга оказалась женщиной одиночкой, ни разу не выходившей замуж, а детей у него, вроде, не было.

Альцгеймер? Сумасшествие? Причем заразное? Объяснений можно было найти пачку, но Олег предполагал, что прав Семен: люди пропадают, а этого никто не замечает. Сам он сохранил воспоминания о Дмитро Володимировиче (по неизвестной причине, но тут заметен «след» покойного Жеки), но утратил другие, и ведь не выяснить, – какие именно.

Частный сектор на Малеванке – район зажиточный, основательный. Без трехметровых заборов и бассейнов во дворе, но с аккуратными домами, окруженными фруктовыми дере-

вьями, газонами, цветниками, а не нищенскими грядками с картошкой. Лаяли собаки. За воротами четырнадцатого дома скучал не загнанный в гараж вишневый ланос со смятым носом.

Олег поискал кнопку звонка, не нашел, отодвинул щеколду и толкнул деревянную калитку. Здесь не боялись воров. Или держали на свободном выгуле во дворе здорового волкодава.

Осматриваясь в поисках зубастой смерти, Олег обогнул дом и постучался.

– Хозяева! – позвал громко.

Тишина. Может, нет никого? Он позвал еще раз.

Шевельнулась занавеска, и в окно выглянула девочка. Они не виделись с бывших или пригрезившихся похорон Жеки. Ребенок смотрел прямо, без удивления или страха.

– Открой, – попросил Олег. – Я доктор со Скорой, который твоей маме помогал, помнишь? Пришел ее проведать. Мама дома?

– Почти.

Во дворе, что ли? К соседке отошла? В туалете?

– Пустишь?

– А ты не плесневый?

– Да вроде нет.

– А ты правда врач?

– Фельдшер. Мммм... Младший доктор.

Девочка отошла от окна и загремела цепочкой. Дверь приоткрылась. Из дома донеслось басовитое рычание – волкодав все-таки имелся.

– Место, Лютик! – рывкнула девочка, обернувшись. – Место!

Ворчание отдалилось, кто-то тяжело скрипнул половицами за спиной ребенка. Нифига себе, Лютик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.